

С.М.Толстая

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «НОВГОРОДСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ»

На примере данных «Новгородского областного словаря» (НОС) обсуждаются вопросы лексикологии (терминология родства, анатомическая терминология, обрядовая терминология; фразеология, в частности, лексика и фразеология измены), семантики (проблема дефиниций, контекстных толкований и т.п.), морфологии, морфонологии и этимологии (морфологическая характеристика глаголов в НОС, новг. вздым, вздынать и т.д.).

Ключевые слова: диалектная лексика, семантика, дефиниции, традиционная культура, морфология глагола, морфонология

«Новгородский областной словарь» (далее — НОС) [1], благодаря богатству и своеобразию собранной в нем лексики, ее исторической значимости для русского языка (достаточно указать на его роль в чтении и интерпретации берестяных грамот), а также благодаря систематичности и тщательности ее обработки, давно стал одним из важнейших источников лексикологических и этимологических исследований не только русской, но и общеславянской лексики. Мне каждый раз приятно брать в руки первый выпуск словаря с дарственной надписью Веры Павловны Строговой Никите Ильичу Толстому.

Как правило, к диалектному словарю исследователи обращаются по мере необходимости, с конкретными запросами, касающимися отдельных слов или групп слов, и не всегда бывают способны оценить содержательную структуру всего словаря. Если же попытаться взглянуть на словарь в целом, как на единый лексикографический источник (а я лично, как и многие другие, очень люблю просто читать диалектные словари подряд), то такое сплошное чтение позволяет восстановить как бы в обратной перспективе весь корпус лексики, т.е. все тематические группы, представленные в словаре. Я говорю «в обратной перспективе», потому что в идеале при подготовке словаря лексика собирается именно по отдельным тематическим группам с тем, чтобы потом слиться в единый алфавитный свод. На практике такой систематический сбор лексики, применяемый (хотя и с неизбежной выборочностью) при создании атласов, в случае словарей реализуется далеко не всегда — в разных диалектных словарях разные тематические блоки лексикона представлены с разной полнотой. При сплошном чтении НОС я обращала внимание на несколько лексико-семантических групп, которые интересовали меня в связи с задачей общеславянской реконструкции традиционной духовной культуры и праславянского словаря. Одна из таких тематических групп — **соматизмы**. В русских диалектных словарях и в частности в НОС содержится такое богатство и разнообразие анатомической лексики, что давно назрела потребность в создании отдельного словаря терминов русской народной анатомии и физиологии. Немало есть и специальных разработок этой темы на материале отдельных говоров (в частности в серии «Лексический атлас русских народных говоров»). Есть и опыт сводного (в общеславянском масштабе) обзора этой лексики на основе данных ОЛА — монография Я. Сятковского) [2].

В отношении соматизмов новгородский материал демонстрирует исключительное своеобразие. Достаточно сказать, что НОС содержит десятки слов, либо вовсе отсутствующих в СРНГ [3], либо представленных в нем только новгородскими примерами, либо, наоборот, новгородские лексемы в нем не учтены. К первым, т.е. вообще отсутствующим в СРНГ, относятся, в частности, *бабан* ‘большой палец на руке’, *бабик* ‘любой палец на руке’, *бабник* ‘то же’, *бабура* ‘большой палец на руке’, *белток* ‘белок глаза’, *Горбина* ‘спина’, *гнуть горбину* ‘тяжело работать’, *грибы* ‘толстые, некрасивые губы’, *длиннолядвый* ‘длинноногий’, *долголягий*, *долголякий*, *долголяхий*, *долгопряслый*, *долгоспинный* ‘долговязый’, *жидколядвый* ‘тощий, сухой, болезненный (человек)’, *клюкухи* ‘закорки’, *книжка* ‘отдел желудка’ (см. Закубриться); *кавра* ‘рука’, *кокыш*, *кокыш-мокыш* ‘фига, кукиш’, *копчишки* ‘пальцы рук’: «Овес жали на коленках, то и гляди, что копчишки обрежешь»; *корчунки* ‘корточки’: «На корчунки сел и сидит»; *коско*, *косок* ‘косоглазый человек’, *косопалый* ‘хромой’, *косточка* ‘фигура, стан человека’, *в косточку шить* ‘по фигуре’, *кукашки* ‘закорки’: «Посади на кукашки его, на закорки-то, за плечи-то и неси»; *кукуши*, *кукушки* ‘плечи, закорки’, *кулгача* ‘хромой человек’, *лалаки*, *лалыки* 1. ‘десны’, 2. ‘челюсти’, *лэдна* ‘голова’: «Смейся на свою лэдну»; *лядва* 2. ‘рука’: «Не махай лядвой», 3. ‘рот’: «Закрой лядву-то»; *малыги* ‘мозги’, *матожины* ‘родимые пятна на теле ребёнка», *мерёжа* 1. ‘большой живот’, 2. ‘часто рожающая женщина’, *мигулица* ‘веко’: «На мигулице-то у ты опять пупыш выскочил?», *пыра* ‘нижняя часть туловища, таз’, *санка* ‘челюсть’: «У меня так зуб болел, что санку на бок повернуло» (перечень неполный).

Ко второй группе слов, отмеченных в СРНГ как только новгородские, относятся, в частности, *желонка* ‘вена’ (СРНГ: только новг. ‘железы’); *заклюки*, *заклюкишки*, *закрюкиши*, *закуклы* ‘плечи, закорки’ (СРНГ: только новг.), *загорбень* ‘верхняя часть спины’ (СРНГ: только новг.); *лядва* 1. экспр. ‘нога’ (СРНГ: только новг.); *мордва* грубо. ‘лицо’ (СРНГ: только новг.) и др.

К третьей группе, т.е. к лексемам, присутствующим в СРНГ, но без пометы новг., относятся, например, *жилё* новг. ‘кровеносные сосуды’ (СРНГ: петерб. ‘сухожилия, жилы’); *завоёк* — новг. ‘шейный позвонок’ (СРНГ: ‘затылок; загривок’, новг., пск.); *кабра* — новг. ‘рука’, *кабрищи* (СРНГ: олон.), *коса* новг. ‘селезёнка животного’ (СРНГ: пск.) и т.д.

Следующая тематическая группа, представленная в НОС очень полно, — это **терминология родства** и семейных связей, о которой также можно сказать, что она в полной мере заслуживает специального лексикографического труда, причем не только для отдельных диалектных зон [4—8], но и в общерусском масштабе. Хотя включенные в НОС слова — в основном известные большинству славянских языков лексемы праславянского происхождения (с обильным наслоением экспрессивных дериватов), но некоторые из них представляют безусловный интерес либо в семантико-мотивационном плане, либо в словообразовательном отношении. Приведу лишь несколько примеров: *бытный* ‘взрослый’, *вдовина* ‘старая дева’, *ворон* ‘незаконнорожденный сын’, *гузулёнок* ‘маленький ребенок’; *дока* ‘дочь’, *кокотастик* ‘подросток’; *круглуха* ‘вдова’: «Наша Аннушка вот уж шестой год как круглуха: муж на войне погиб»; *молоча* дети, *полюшник* ‘подросток’; *росина* ‘маленький ребенок, малыш’ и т.д. Все они отсутствуют в СРНГ.

Еще одна тематическая сфера, которая меня специально интересовала, — **лексика народной демонологии**. Данные НОС в этой части очень важны для общеславянской типологии мифологической лексики и сравнительной славянской мифологии, которая в наше время оснащена уже весьма солидными источниками по разным славянским этническим и региональным традициям. Среди новгородских терминов заслуживают особенного внимания не отмеченные СРНГ названия персонажей нечистой силы, такие как *анчук*, (при более известных формах *анчут*, *анчута*, *анчутик*, *анчутка*); *блуд* (в СРНГ нет новг.); *заворонить* ‘околдовать’; *кастёнок* 1. ‘чертенок’, 2. ‘озорной ребенок’; *кастёныш*, *кастенья* ‘маленький ребенок’; *касть* 1. ‘нечистая сила’, но также 2. перен. ‘болезнь, вызванная нечистой силой’: «Ах какая касть на скотину напала», 3. ‘мышь, крыса, вредные насекомые’; 4. ‘мерзость, дрянь’; ‘бранное — о скотине, о детях’; *на все (разные) касты* (*бранить*, *обзывать*); *кегря* 1. ‘черт, нечистая сила’, 2. перен. ‘старый мужчина, старик’; *кикимора* ‘нечистая сила, живущая в болоте’; *князь тьмы* ‘сатана, предводитель нечистой силы’; *колдея*, *колдовка* ‘ворожея, колдунья’, *корочун* 1. «Корочун тебе на язык!», 2. ‘тяжелая болезнь’, 3. ‘злой дух, нечистая сила’; *ласток* ‘нечистая сила’: «Ласток-то у нас лошадь замучил — станешь утром, а она в пене вся, беспокоится, ходуном ходит»; *лашко* ‘нечистая сила, напускающая лень на человека’: «Как сядет лашко на плечи, трудно человека расшевелить»; *лембой* ‘нечистая сила, черт’; *лемур* 1. ‘домовой’: «Лемур живет в каждом доме и следит за порядком», 2. ‘дух умершего’, 3. ‘сказочное доброе существо’ (СРНГ: лемор, арх.); *мень* ‘нечистая сила’: «Пропали деньги, так мень лизнул»; *мокруха* ‘разновидность нечистой силы’ (СРНГ: новг, волог.); *мокуш* (*макош*) 1. ‘нечистая сила’: «Держись от этого места подальше — мокуш здесь водится», ‘ведьма’, ‘дворовой’: «Домовой мокош огненный летает в трубу на крыше к колдунам и таскает добро к ним», «Мокош ососет, и кудель будет мокрая». 2. бран. ‘чёрт’ (СРНГ: *мокоша* новг.); *налесть* ‘нечистая сила’, *налётный* ‘нечистая сила, черт’; *на худой след напасть* ‘попасть под власть нечистой силы’; *покша* 1. ‘левша’, 2. ‘нечистая сила, живущая в гумне’: «Валяй, валяй в гумно, покша тебе там даст». «Покша картошку в овине пекёт, приговаривает: “Эта покша, эта не, эта Ваньки, эта мне”». К сожалению, для ряда слов в НОС даны лишь самые общие дефиниции типа «по суеверным представлениям нечистая сила, живущая там-то», но некоторые мифологические названия разработаны более подробно и снабжены полезными иллюстрациями.

В отношении **обрядовой терминологии** НОС, конечно, не может сравниться со специальными этнолингвистическими словарями русской или инославянских традиций, такими как, например, сводный словарь терминологии народного календаря, изданный недавно екатеринбургскими авторами [9], где исчерпывающе представлены названия праздников, периодов и календарных обычаев, но тем не менее и эти данные НОС с благодарностью используются как этнолингвистами, так и этимологами и этнографами. Обращу внимание только на несколько интересных терминов: *бары* ‘участники свад. обряда’: «Бары помладше дружек», *волхвы* ‘христославы’, *волю кричать* ‘ритуал в свадебном обряде’: «Волю ходят кричать под окном, чтобы молода поплакала, что с волей расстанется»; *выкрутник* ‘ряженный’, *вырядный*, *выряженец* ‘ряженный’, *желкунь* ‘один из летних праздников’; *киловоз* ‘лицо на свадьбе, едущее последним в свадебном поезде’; *кличка* ‘объявление о помолвке в церкви’: «Потом в церкву заявляют, а там кажно воскресенье кличку делают такой-то жених, невеста»; *красные вечера* ‘гулянье молодежи в мясоед’; *крашена* ‘гулянье молодежи в святки’; *кутиха* 1. ‘вечеринка молодёжи, гулянка’, 2. ‘кутья на поминках’; *кутуша* ‘посиделки молодежи’, *лесенка* ‘часть свадебного обряда — выкуп за приданое’; *лунёвка* ‘вечернее гулянье молодежи летом’; *наборы*, *набор* ‘зимнее гулянье молодежи’; *пыла* ‘водящий в игре’ и т.п.

У меня нет возможности говорить о других тематических группах, которые исключительно богато представлены в НОС, таких, как, например, **глаголы речи** (в том числе экспрессивные со знач. ‘болтать, нести ерунду’, ‘кричать’, ‘бормотать, невнятно говорить’ и т.п.), а также об очень обильной **фразеологии**, о чем здесь уже говорил В.М.Мокиенко. В частности, замечательны выражения, обозначающие измену, например, *борода тебе*: «Нюшка, борода тебе от Кольки», *дать стуку*; *сделать лапти*: «Верка-то ему лапти сделала, с другим пошла»; *жечь рыжики*; *ему рыжики*, *наварить рыжиков*, *рыжиков подсыпать* и т.п.; *затащить борону на крышу*; *колун повесить*: «Колун повесила ему Дунька-то»; *лапти ей*; *прокатить на веретне*, *прокатить на венике*; *сварить грибов*; *дать ступу* и т.д. Эта фразеология близка к формулам отказа при сватовстве, о которых писала Е.Л.Березович [10], а иногда и прямо совпадает с ней.

Но если в отношении охвата лексики, ее значения для общеславянской лексикологии и этимологии, ее репрезентативности для воссоздания так называемой языковой картины мира славян наиболее значительные современные диалектные словари, в том числе, конечно, и НОС, в целом можно признать вполне удовлетворительными, то в отношении грамматики и тем более в отношении общей теории и методологии

диалектной лексикографии остается еще немало серьезных проблем. Если мы обратимся, например, к лексикографической теории московской семантической школы, руководимой Ю.Д.Апресьяном, то увидим, что разрыв между общей и диалектной теорией лексикографии остается очень существенным и даже продолжает увеличиваться со временем (за счет непрерывного совершенствования общей теории). Основным методологический принцип современной системной лексикографии — **интегральность**, т.е. принцип взаимной согласованности лексического (семантического) и грамматического представления, по которому каждая единица словаря должна получить, во-первых, адекватную содержательную (семантическую) дефиницию, а во-вторых, полный набор релевантных формальных (словоизменительных, словообразовательных, мофонологических, синтаксических, акцентологических и пр.) характеристик. Строгие требования предъявляются, конечно, и к семантическим дефинициям и к решению проблемы лексической многозначности, омонимии и др. Очевидно, что этим требованиям диалектные словари, даже лучшие, никак не соответствуют, причем не только по объективной причине — их по преимуществу дифференциального характера, но и просто по недостатку требовательности к дефинициям и грамматическим характеристикам. Об этом немало уже говорилось и писалось, но какого-либо прогресса в этом плане пока не видно. Можно было бы привести множество примеров ошибочных толкований, не подтверждаемых приводимыми контекстами или прямо противоречащих им (например, в НОС: *различка* 1. 'различие', 2. 'однообразие': «Жизнь течет без всякой различки, всё в одном хожу» (пример противоречит толкованию), или очень частые примеры контекстных толкований, когда слову приписываются значения, относящиеся к другим составляющим контекста или к контексту в целом — например, в НОС *попотерять* 'уменьшиться в весе': «А теперь батко брюхо-то попотерял» (ясно, что семантика веса наведена контекстом, а в значение глагола не входит). Важнее сказать о том, что диалектные словари не дают возможности получить сколько-нибудь полное представление о многих интересных явлениях диалектной грамматики, значимых в общеславянском плане, таких, например, как многоосновность глаголов, когда глагольные лексемы оформляются разными формальными показателями типа *владать* и *владеть*, *блюдить* и *блюсти*, *бродать* и *бродить*, *вязти* (*вязть*) и *вязать*, *гибать* 'гнуть' и *гибеть* 'изгибаться', *гудать* — *гудеть* — *густы*, *лоснеть* 'блестеть' — *лоснить* 'лосниться, блестеть' — *лоснуть* и т.п. (особенно характерно смешение праславянских ятевых и *i*-основ, имеющих общие формы в презенсе, но в разных диалектах это смешение представлено в разной степени).

В НОС имеются также многочисленные примеры именных приставочных дериватов типа: *заплёс*, *заполе*, *зарека*, *наддорога*, *подгора*, *подмост*, *подмох*, *поднива*, *подокно*, *посёстра*, *посеть*, *примост*, *примрак*, *присват* 'родственник свата' и др., находящие параллель в польском языке и в частности в топонимии (образования типа *Zalas*, *Zagóra*). Обращают на себя внимание и с грамматической, и с морфонологической точки зрения регулярные имперфективы и итеративы типа *досаживать*, *едовать* (к *есть*), *зажигивать*, *залаживать* (к *класть*), *заявливать*, *качивать*, *рабатывать*, *порабливать* (к *робеть*), *разгляживать* (к *разглядеть*). Подобные явления безусловно требуют специального систематического исследования на полном (по возможности) материале.

Я хочу остановиться кратко на двух любопытных явлениях, имеющих значение для сравнительной грамматики славянских языков. Первое — это новгородские (и не только новгородские) формы общерусских (и общеславянских) глаголов *переть* (**perti*, *рьр*) и *тереть* (**terti*, *тьр*). В НОС они представлены глаголами *прать* и *трать* и множеством приставочных дериватов, отсутствующих в СРНГ (таковы, например, *подпрать* и *подопрать*, *попрать*, *припрать*, *пропрать*; *подотрать*, *потрать*) и имперфективами *попирать*, *припирать*, *потираться* 'находиться, пребывать где-л. без дела' (ср. разгов. *отираться*), и имеющих более широкий круг значений. К сожалению, приводимые в НОС иллюстрации лишь в редких случаях позволяют восстановить парадигму глагола: обычно в иллюстрациях даются инфинитивные или претеритные формы (например, «Тряпочкой подотрать надо» или «Что ты не подопрал стог-то?»), а здесь показательны были бы именно презентные формы. В НОС форма *попрёшь* дается при глаголе *попрать*: «Накладет [курица], дак скорее в город попрёшь [яйца]», а форма *попрёт* той же парадигмы («Он попрёт туды, куды он хочет») — при глаголе *попирать*, который к тому же не соответствует иллюстрируемому глаголу по виду. В то же время от *подпрать* форма 1 ед. наст. вр. имеет вид *подперу* («Тут бы к самому берегу *подпрать* нады, буде я *подперу*, а ты сходи сразу»), а не ожидаемую *подпру*. При этом формы глагола со значением 'переть' (**perti*, *рьр*) совпадают или пересекаются с формами глагола *прать* (**ъrati*) со значением 'стирать' и 'бить, колотить'. В СРНГ дериваты этих двух омонимичных глаголов тоже нередко смешиваются.

Второй случай касается глагола *вздынуть* со значением 'поднять' и однокоренных с ним приставочных глаголов. Недавно А.А.Зализняк посвятил этому глаголу специальную статью, в которой он реконструировал весь исторический путь появления этой формы с неэтимологическим вставным -д- между приставкой *въз-* и корнем *яти/-имати*. Не повторяя всех ходов морфонологических преобразований, восстановленных А.А.Зализняком, я могу только кратко резюмировать его вывод: «данное слово представляет собой не что иное, как продукт многоступенчатой эволюции древнерусского *въз-яти* в его первичном значении 'поднять' (из *въз-* 'вверх' + *им-* 'брать')» [11], при этом «глагол *вздымать* получил свое *д* от глагола *подымать*». Но ситуация с глаголом *вздымать*, как отмечает Зализняк, осложнена существованием омонима *вздымать*, образованного от глагола *въздути*, *въздьмет* со значением 'вздувать, надувать'. В НОС глаголы интересующего нас гнезда и их производные представлены довольно полно: *вздым* 1. 'крутой подъем' и 2. 'поднятие тяжести'; *вздымать* — не только в значении 'поднимать': «Надо вздымать на избы сено», но и в переносных и более абстрактных

значениях: *детей вздымать*, *огород вздымать*; имперфектив *вздымывать*: «Надо пол вздымывать»; *вздынать*: «Девку одна вздынала»; *вздунуться* (где от корня не осталось и следа): «На горку-то не вздунуться»; *вздынуться* ‘подняться после сна’. Вставку неэтимологического *д* можно было бы усмотреть и в глаголе *раздымать* ‘побудить к каким-л. действиям’: «Что тебя раздымает-то, черт взбалмошный?» Однако здесь более вероятно связь глагола с омонимичным глаголом со значением ‘вздувать’ (ср. разгов. *так и распирает*).

Особое положение среди слов со вставным *д* занимают глаголы с приставкой *з-/с-*: *здымать* ‘поднять вверх’: «Здыми грабли на потолок», *здымиться* ‘подняться вверх’: «На гору здымились», *здынуть* 1. ‘поднять’, 2. ‘увеличить в объеме, вспучить’ (в первом значении это глагол с корнем *имать*, а во втором — дериват омонимичного глагола), *здынуться* ‘подняться’: «На гору здынешься, там и кладбище».

Те же самые по происхождению и по значению формы, а часто и с теми же самыми иллюстрациями, даны в НОС и в написании с начальным *с-*: *сдым* ‘подъем в гору’; *сдымать* ‘поднимать’: «Миша-то пришел мешки сдымать», «Сдыми грабли-то на потолок», перен. *сдымать детей*; *сдыматься* 1. ‘всходить, подниматься’ и 2. перен. ‘растить детей’: «Два сына сдымались у тетки», 3. ‘увеличиться в объеме’: «Дрожжей положишь, сдынутся, замесишь и пеки пирог» (В третьем значении это другой глагол - *вздуться*); *сдынать* и *сдынуть* ‘поднимать, поднять’: «Сдынай самовар-то, ставь на стол», «Еле сдынула это бревно»; *сдынуться* ‘подняться’, а также ‘увеличиться в объеме’: «Сдынется тесто, валяешь на муки, потом на сковороду» (последнее — от омонимичного глагола *вздуть*, *вздыматься*). Отмечены и формы с двумя приставками: *посдымать* ‘поднимать что-л. руками’, *посдынуться* ‘приподняться’: «У Олешки стог-то что-то посдынулся, макушка-то сдынулась». Есть еще не совсем понятный глагол *придымать* в значении ‘приехать’: «Придыми в этот день» (нет уверенности, что инфинитив восстановлен верно — скорее следовало бы ожидать *придымать*).

Очевидно, что формы с начальным *з-* и формы с начальным *с-* тождественны. Однако различное их написание в НОС отражает не только разный орфографический способ записи, но и разную трактовку префиксов: в случае с начальным *з-* префикс понимается как упрощенная форма исконного префикса *въз-* с отпадением начального *в-* (что выглядит вполне правдоподобно), тогда как в написании с начальным *с-* отражена трактовка этих слов как содержащих префикс *с-* (что, судя по семантике лексем, неверно).

Явление вставного *д* между приставкой и глагольным корнем *-яти/-имати* известно и в польском языке, где мы имеем глаголы *zdyć*, *zdejmować*, однако не в значении ‘поднять, поднимать’, а в противоположном значении ‘снять, снимать’. Тем не менее, эта вставка, как и в русском языке, обязана влиянию того же однокоренного глагола с приставкой *pod-*: пол. *poddyć*, *podejmować* в значении ‘поднять, поднимать’. Иначе говоря, если в русском языке влияние глагола *поднять* основывалось на принципе синонимии (*поднять* — то же, что *вздымать*), то в польском — на принципе антонимии: ‘поднять вверх’ — ‘опустить вниз’.

Остается сказать, что НОС включает в себе еще множество интересных фактов, требующих объяснения, его еще читать и читать, а создателям словаря хочется выразить от имени русских и славянских лексикологов искреннюю благодарность за огромный труд, вложенный в него.

Статья написана в рамках работы над проектом «Славянские архаические зоны в пространстве Европы», поддержанным грантом РНФ (№ 17-18-01373).

1. Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П.Строгова. Новгород, 1992—2000. Вып. 1—13. Изд. 2-е, испр. и доп. / Изд. подгот. А.Н.Левичкин, С.А.Мызников. СПб., 2010.
2. Siatkowski J. Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa, 2012. 355 s.
3. Словарь русских народных говоров / Отв. ред. Ф.П.Филин, Ф.П.Сороколетов, С.А.Мызников. Л.; СПб., 1965—. Вып. 1.
4. Брыкина Е.В., Кудряшова Р.И. Соматическая лексика в донских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2001—2004. СПб., 2004. С. 260-266.
5. Гришанова В.Н. Анатомические названия в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб., 2003. С. 59-65.
6. Гришанова В.Н. Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 286-291.
7. Качинская И.Б. Термины родства и предметный мир (термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. III(IX). М., 2008. С. 265-283.
8. Качинская И.Б. Имена родства: термин и словосочетание (по материалам архангельских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 2013. С. 244-257.
9. Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь. М., 2015. 544 с.
10. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М., 2007. 599 с.
11. Зализняк А.А. К истории слов // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. М.: Индрик, 2013. С. 30-41.

References

1. Novgorodskiy oblastnoy slovar' / Otiv. red. V.P.Strogova. Novgorod, 1992—2000. Vyp. 1—13. Izd. 2-e, ispr. i dop. / Izd. podgot. A.N.Levichkin, S.A.Myznikov. SPb., 2010.
2. Siatkowski J. Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa, 2012. 355 s.
3. Slovar' russkikh narodnykh govorov / Otiv. red. F.P.Filin, F.P.Sorokoletov, S.A.Myznikov. L.; SPb., 1965—. Vyp. 1.
4. Brykina E.V., Kudryashova R.I. Somaticheskaya leksika v donskikh govorakh // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya. 2001—2004. SPb., 2004. S. 260-266.
5. Grishanova V.N. Anatomicheskie nazvaniya v govore odnogo sela // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya. 2000. SPb., 2003. S. 59-65.

6. Grishanova V.N. Frazеologicheskie edinit'sy s komponentom-somatizmom v govore odnogo sela // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya. SPb., 2008. S. 286-291.
7. Kachinskaya I.B. Terminy rodstva i predmetnyy mir (terminy rodstva i yazykovaya kartina mira. Po materialam arkhangel'skikh govorov) // Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii. III(IX). M., 2008. S. 265-283.
8. Kachinskaya I.B. Imena rodstva: termin i slovosochetanie (po materialam arkhangel'skikh govorov) // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya. SPb., 2013. S. 244-257.
9. Atroshenko O.V., Krivoshchapova Yu.A., Osipova K.V. Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar'. M., 2015. 544 s.
10. Berezovich E.L. Yazyk i traditsionnaya kul'tura. M., 2007. 599 s.
11. Zaliznyak A.A. K istorii slov // Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira. M.: Indrik, 2013. S. 30-41.

Tolstaya S.M. Notes on the margins of "Novgorod regional dictionary". Through the examples of "Novgorod regional dictionary" data the paper discusses the questions of lexicology (terminology of filiation, anatomy vocabulary, terminology of the rituals), phraseology (lexical items and idiomatic expressions referring the concept of treason), semantics (problems in the definitions, context interpretations etc.), morphology, morphonology and etymology (morphological characteristics of the verbs, Novg. *вздым*, *вздынать* etc.).

Keywords: dialectal lexicon, semantics, definition, traditional culture, morphology of verbs, morphonology

Сведения об авторе. С.М.Толстая — доктор филологических наук, профессор, зав. отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, smtolstaya@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.07.2017.